

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕТСТВА И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК
ТРАДИЦИОННОГО КАЗАЧЬЕГО СОЦИУМА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»)**

Введение. Роман-эпопея М.А. Шолохова «Тихий Дон», будучи масштабным художественным исследованием судьбы донского казачества на изломе ключевых событий первой трети XX века, традиционно рассматривается в литературоведении сквозь призму макроисторических процессов, проблематики «казачьего мира» и трагического индивидуализма центрального героя [1, с. 45]. Однако целостное осмысление авторской концепции кризиса традиционной культуры требует акцента на тех её базовых элементах, которые обеспечивают воспроизводство и трансляцию социальных норм. Таким элементом, обладающим в романе высокой степенью репрезентативности, выступает институт семьи и, в частности, комплекс представлений и практик, связанных с воспитанием подрастающего поколения. Постановка проблемы заключается в том, что детство и сопряженные с ним педагогические стратегии в шолоховской эпопее не являются отдельным фоном, но выполняют роль важнейшего семантического узла, в котором аккумулируются и становятся зримыми как устойчивость патриархального уклада, так и механизмы его распада под воздействием внешних катаклизмов. Недостаточная изученность данной темы как системообразующей определяет цель настоящего исследования: провести комплексный анализ темы детства и моделей воспитания в «Тихом Доне», выявив их нарративные и концептуальные функции в художественной антропологии Шолохова и в раскрытии идеи исторической трагедии.

Цель статьи – рассмотреть репрезентацию детства и педагогических практик традиционного казачьего социума в первой половине XX века (на материале романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»).

Основная часть. Существующий корпус научных работ, посвященных творчеству М.А. Шолохова, затрагивает тему детства и семьи преимущественно в контексте более общих тем. Так, в фундаментальных трудах, посвященных бытовому и нравственному укладу, детально исследуется казачья семья, но фигура ребенка чаще остается элементом фоновой обрисовки этого уклада [2, с. 78]. Значительное внимание уделяется архетипу материнства, воплощенному в образе Ильиничны, Натальи, где гибель детей осмысливается как апогей материнского страдания [3, с. 213]. Психологический анализ персонажей, в частности «диалектика души» Григория Мелехова, неизменно отмечает его глубокую привязанность к детям как одну из констант характера, противостоящую всеобщему ожесточе-

нию [4, с. 92]. В современных исследованиях намечается тенденция к мифопоэтическому прочтению детских образов, интерпретируемых в системе языческой и христианской символики, где дитя выступает и как дар, и как жертва. Тем не менее, целостный анализ детства и воспитания как самостоятельного художественного и концептуального комплекса, через который в тексте моделируется проблема исторической преемственности и культурного разрыва, остается актуальной научной задачей, что отмечал в свое время и К.И. Прийма, указывавший на «семейную катастрофу» как на основу трагедии [5, с. 188].

Методологической основой исследования выступает структурно-семантический анализ текста романа, направленный на выявление и систематизацию всех нарративных элементов, связанных с репрезентацией темы детства. В поле зрения попадают сцены воспитательного взаимодействия, образы повседневности и игровой деятельности детей, рефлексия взрослых персонажей по поводу педагогических задач, а также сюжетные линии, связанные с судьбами детей. Эмпирический материал интерпретируется в категориях субъектов воспитания (отец, мать, старшее поколение, община), каналов социализации (труд, фольклор, религия) и транслируемых ценностных комплексов. Контекстуальный подход позволяет соотнести художественные наблюдения Шолохова с данными исторической этнографии о казачьей культуре, что было подробно исследовано В.В. Гурой при реконструкции творческой истории романа [1, с. 210-215].

Анализ текста позволяет реконструировать в романе целостную, функционально дифференцированную систему воспитания, составляющую ядро традиционной социализации. Её основу формирует жесткая гендерная модель, нацеленная на воспроизводство воина-хозяина и хозяйки-матери. Воспитанием мальчика занимаются прежде всего отец и мужское сообщество. Процесс носит практико-ориентированный характер, где главным методом является включение в трудовую и военизированную деятельность с раннего возраста. Так, Пантелей Прокофьевич Мелехов учил [сыновей] работать с малых лет, закалял суровой казачьей наукой [6], а кульминацией инициации становится дарение коня – ключевого символа казачьей идентичности и свободы. Ценностный комплекс включает воинскую честь, абсолютное почитание старших, хозяйственную сметку и фамильную солидарность. Казачья этика усваивалась не из поучений, а из повседневного быта, из наблюдения за отцом, из самой атмосферы дома. Воспитание девочки, репрезентированное фигурами Ильиничны и Василисы Коршуновой, целиком ориентировано на сферу дома, на формирование навыков домоводства, рукоделия и безусловного принятия патриархальных норм: «Баба смолоду мужа бояться должна, а то под старость он тебе волком будет» [6]. Идеальным продуктом этой системы предстает Наталья Мелехова, чья кротость, трудолюбие и жертвенность суть прямое следствие усвоенных с детства установок «Дите, таких-то и на свете нет! Была б тебе слухменная

и почтительная, уж эта из-под власти не выйдет. Слово, милая свашенька, вспоперек боится сказать» [6, с. 87].

Дети в художественном мире «Тихого Дона» не пассивны; они наделены значимой сюжетной и символической функцией. Центральное место занимают Мишатка и Полюшка Мелеховы. Их образы становятся для Григория эмоциональным якорем, связью с миром домашнего очага и природной нормой в противовес абсурду войны: «Все ласковые и нежные слова, которые по ночам шептал Григорий, вспоминая там, в дубраве, своих детей, сейчас вылетели у него из памяти. Опустившись на колени, целуя розовые холодные ручонки сына, он сдавленным голосом твердил только одно слово: «Сынок... сынок...» [7, с. 478]. Шолохов использует образ ребенка как высшую меру ценности человеческого существования и, соответственно, как главный аргумент в обличении войны. Как писал В.А Чалмаев, «смерть ребенка у Шолохова – это всегда знак космической катастрофы, крушения миропорядка» [8, с. 321].

Исторические катаклизмы – мировая война, революция, гражданская междоусобица – обрушиваются в первую очередь на эту хрупкую систему трансляции культуры «Глубина постижения сущности исторических процессов состоит в том, что писатель осмыслил происходящее с народной точки зрения» [9, с. 86]. Кризис проявляется на всех уровнях. Распадается иерархия: отеческий авторитет Пантелея Прокофьевича оказывается бессильным перед новыми идеями, которые приносят с фронта сыновья. Подвергается разрушению нравственная основа: дети становятся свидетелями жестокости, а игра («красные и белые») моделирует уже не условный, а реальный, смертоносный конфликт. Война физически уничтожает семью как институт, делая мотив сиротства одним из ключевых лейтмотивов романа. Наиболее показателен конфликт ценностей в рамках одной семьи, где младшее поколение сознательно отрекается от старшего, как в случае с Митькой Коршуновым и его отцом. Это уже не преемственность, а разрыв, знаменующий конец традиционного культурного цикла.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Система воспитания, детально репрезентированная в романе «Тихий Дон», предстает не как второстепенная бытовая деталь, а как фундаментальный художественный и антропологический конструкт, через который М.А. Шолохов раскрывает сущность традиционного казачьего мира как мира преемственности. Этот мир основан на невербальной, трудовой и дисциплинарной передаче жестко гендерно детерминированных норм от поколения к поколению в замкнутом пространстве семьи и хутора.

Образы детей и сцены педагогического взаимодействия выполняют в эпопее ряд ключевых функций. Они являются, во-первых, индикатором здоровья социума: пока система работает, дети естественно вписываются в её порядки. Во-вторых, они выступают как моральный референт, «точка абсолютного добра», противопоставленная хаосу истории. В-третьих, тра-

гические судьбы детей становятся у Шолохова главным средством гуманистической критики войны и насилия, обнажая их антиприродную, антижизненную суть, что подчеркивалось в работах о гуманизме [8, с. 324].

Наконец, именно через призму разрушения института детства и воспитания с наибольшей ясностью проявляется авторское понимание исторической катастрофы. Война и революция предстают не просто как череда политических событий, но как сила, целенаправленно разрывающая временную связь поколений, уничтожающая саму возможность культурной репродукции. Распад семьи, сиротство, моральная дезориентация подростков – все это симптомы конца целого мира, что отмечалось в исследованиях о трагическом пафосе эпопеи [2, с. 167]. Финал романа, где Григорий Мелехов стоит на пороге родного куреня с сыном на руках, несет в себе призрачную надежду на продолжение: «Что ж, и сбылось то немного, о чём бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына...» [7, с. 478]. Однако судьба Мишатки, оставшегося в мире, лишенном прежних опор, остается неопределенной, делающей надежду Григория глубоко трагичной. Таким образом, тема детства оказывается в «Тихом Доне» не периферийной, а центральной для выражения главной идеи произведения – идеи невозможной утраты целостного культурного космоса под колесами истории, идеи, которая, по словам В.В. Гуры, была воплощена Шолоховым с «эпической мощью и лирической пронзительностью» [1, с. 502].

Особого внимания в рамках исследуемой проблематики заслуживает феномен деформации игрового пространства как маркер антропологического сдвига. У Шолохова детская игра перестает быть инструментом «репетиции взрослости» и безопасного освоения социальных ролей. В мирной жизни игра служила имитацией труда («коней пасли»), теперь же она имитирует смерть и расправу. Показательна сцена, где казачата, подражая взрослым, играют в «красных и белых», где дети всерьез делятся на враждующие станы. Это свидетельствует об усвоении детским сознанием логики ненависти и раскола, проникшей в святая святых – в мир бессознательного творчества ребенка. Как точно подметил Ф.Г. Бирюков, «ребенок в мире Шолохова – это губка, впитывающая соки бытия; когда эти соки горьки и отравлены, деформируется сама личность» [9, с. 145]. Насилие перестает быть табуированной темой, оно входит в плоть повседневности, фиксируясь в детских жестах и словах. Так Шолохов показывает необратимость культурной травмы: даже если война прекратится, поколение, выросшее с ней, уже не сможет воспроизвести прежний, цельный и органичный мир, поскольку основания его нравственности были подорваны в самом возрасте становления.

Заключение. Следовательно, художественная антропология Шолохова выводит проблему воспитания из плоскости частного быта в плоскость исторического бытия. Писатель убедительно демонстрирует, что катастрофа

«Тихого Дона» – это не только гибель тысяч людей на полях сражений, но и невозполнимая утрата культурной памяти, транслируемой лишь через упорядоченный, ритуализованный процесс взросления. Разрушение педагогического канона есть одновременно и разрушение онтологических скреп казачьего мира. В этом контексте финальный эпизод романа – Григорий с сыном у ворот – приобретает черты не столько утешения, сколько сурового экзистенциального вопроса, обращенного в будущее. Способен ли Мишатка Мелехов, чье детство пришлось на годы «смуты и осиротения», воспринять и продолжить традицию отцов и дедов? Шолохов оставляет этот вопрос без ответа, что, по мнению К.И. Приймы, составляет «трагедийную доминанту эпопеи, ибо история в её революционном изломе безжалостна не только к живущим, но и к самому принципу родовой преемственности» [5, с. 201].

Список использованных источников:

1. Гура, В.В. Как создавался «Тихий Дон»: Творческая история романа М. Шолохова / В.В. Гура. – М.: Сов. писатель, 1989. – 525 с.
2. Бритиков, А.Ф. Мастерство Михаила Шолохова / А.Ф. Бритикова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. – 172 с.
3. Якименко, Л.Г. Творчество М.А. Шолохова / Л.Г. Якименко. – М.: Сов. писатель, 1977. – 368 с.
4. Литвинов, В.М. Михаил Шолохов: Страницы жизни и творчества / В.М. Литвинов. – М.: Худож. лит., 1985. – 175 с.
5. Прийма, К.И. «Тихий Дон» сражается / К.И. Прийма. – Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1975. – 256 с.
6. Шолохов, М.А. Тихий Дон: Роман в 4-х кн.: Кн. 1. Для ст.шк. возраста / М.А. Шолохов. – Мн.: ООО «Сэр-Вит», 1997. – 400 с.
7. Шолохов, М.А. Тихий Дон: Роман в 4-х кн.: Кн.4 Для ст. шк. Возраста / М.А. Шолохов. – Мн.: ООО «Сэр-Вит», 1998. – 480 с.
8. Чалмаев, В.А. Михаил Шолохов в жизни и творчестве / В.А. Чалмаев. – М.: Русское слово, 2012. – 352 с.
9. Русская литература: история и современность : сб. учеб.-метод. комплексов по учеб. дисциплинам для спец. филолог. фак. / сост.: Е. В. Крикливец, С. В. Лапунов, Н. В. Голубович ; Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», Филолог. фак., Каф. литературы. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – 210 с. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/1372> (дата обращения: 13.02.2026) – Текст: электронный.

П.О. ГРИЦКЕВИЧ

Республика Беларусь, Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ЗАГАДКАМИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ В 4 КЛАССЕ

Введение. Загадка представляет собой эффективный дидактический инструмент, который активно используется в обучении литературному чтению. Она способствует развитию логического и критического мышления, расширению словарного запаса, улучшению аналитических способностей и стимулированию интереса к литературным произведениям. Загадки не только помогают младшим школьникам осваивать теоретические понятия, но и развивают творческое мышление, что важно для дальнейшего